

# Тетради

## Русской экспертной школы

2017 № 1

Москва  
Русская экспертная школа  
2017

УДК 316.75(470+671)  
ББК 60.0(2Рос)  
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор  
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

**Т37 Тетради Русской экспертной школы № 1** : научное издание / Авт.-сост. В.А. Щипков. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-593-1

Первая Тетрадь Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных комментариев, обсуждавшихся во время лектория Школы, посвящённого консервативным мировоззренческим процессам в современной России. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: что такое «консервативный поворот», как тема революции отражена в русской мысли, что связывает Трампа и Россию, есть ли на Донбассе идеология, какие типы консерватизма существуют в России, почему русский писатель проходит путь от бунта к традиции и что такое «постсекулярный язык».

Наши электронные контакты:  
[ruseschool@yandex.ru](mailto:ruseschool@yandex.ru)  
[vk.com/ruseschool](https://vk.com/ruseschool)

ISBN 978-5-98604-593-1

© Русская экспертная школа, 2017.  
© Щипков В.А., 2017.  
© «Пробел-2000», 2017.

## Содержание

|                                  |   |
|----------------------------------|---|
| О Русской экспертной школе ..... | 5 |
|----------------------------------|---|

### **А.Ю. Минаков**

|                                                    |   |
|----------------------------------------------------|---|
| Типология консерватизма в современной России ..... | 8 |
|----------------------------------------------------|---|

### **А.П. Козырев**

|                                 |    |
|---------------------------------|----|
| Революция и русская мысль ..... | 35 |
|---------------------------------|----|

### **К.С. Бенедиктов**

|                      |    |
|----------------------|----|
| Трамп и Россия ..... | 57 |
|----------------------|----|

### **М.В. Ремизов**

|                              |    |
|------------------------------|----|
| Консервативный поворот ..... | 78 |
|------------------------------|----|

### **Д.О. Бабич**

|                                                   |    |
|---------------------------------------------------|----|
| Путь русского писателя: от бунта к традиции ..... | 94 |
|---------------------------------------------------|----|

### **В.А. Щипков**

|                                      |     |
|--------------------------------------|-----|
| Постсекулярность и язык Церкви ..... | 113 |
|--------------------------------------|-----|

## **РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКАЯ МЫСЛЬ**

Причиной, по которой представляется необходимым рассмотреть вопрос отражения темы революции в русской мысли, является близость настроений интеллигенции, которые господствовали в начале XX века и тех настроений, которыми была охвачена интеллигенция (украинская и российская) во время киевского «майдана» 2013–2014 годов. Когда «майдан» ещё только начинался, уже тогда можно было предположить, к чему приведёт этот процесс — что на Россию польются потоки обвинений в том, что это якобы она мешает Украине следовать по пути общеевропейского развития.

Но наиболее удивительным на тот момент было другое: то, что многие русские интеллектуалы радостно приветствовали происходящие на Украине события, с искренним сочувствием повторяли лозунг националистов «Слава Украине! Героям слава!», происходящий от Украинской повстанческой армии. Некоторые из русских интеллигентов сами ездили в Киев, чтобы постоять на площади Независимости, а потом, вернувшись в Москву, с сожалением в голосе говорить: «Свет майдана, наверное, никогда до нас не дойдёт». Так, известная русская поэтесса, филолог и этнограф Ольга Седакова, опубликовала в газете «Известия» статью, которая называлась «Российское общество при свете Майдана», в которой она прямо заявила, что российское общество «при свете Майдана выглядит позорно». Поэтесса посчитала, что российское общество совершенно напрасно относится с недоверием к идее революции, в то время как революция — это совсем не плохое явление, и что свободолюбивый украинский народ, наконец, сделал то, что российскому ещё только предстоит. Примечательно, что эти заявления сделал человек, по роду своей деятельности не имеющий

никакого отношения к политике или политологии. Но в данном случае она принимает на себя роль политического философа, который объясняет своим соотечественникам, что их общественно-политическую позицию в сравнении с идеалами «майдана» иначе как «позорной» не назовёшь. Примечательно, что статья, о которой идёт речь, была опубликована в те дни, когда в киевские морги уже поступали трупы людей, участвовавших в столкновениях с силами правопорядка, то есть когда уже было понятно, что никакой бескровной революции не будет. Но в описании О. Седаковой происходящее на площади Независимости было коллективной молитвой: «Огромная площадь, которая с воодушевлением поёт вместе национальный гимн, читает «Отче наш». Поэтесса не скрывала своего восторга по поводу происходящего. С её точки зрения, это было невыразимо прекрасно: наконец-то свершилось первое христианское дело в современной постсоветской истории — народ сверг кровавого тирана. Приведённый случай восхищения «майданом» далеко не единственный, можно привести множество подобных ему.

Фактически в свете украинской «Революции достоинства» русская интеллигенция оказалась расколотой. Она не оказалась целиком левой, поддержавшей революцию, но все-таки значительная её часть пошла вслед за «светом майдана». Причём, многие из людей, поддержавших «майдан» были далеко не безграмотными людьми. Например, среди них оказался Константин Сигов. Именно по его приглашению в Киев приезжал французский философ и консультант президента Саркози Бернар Анри-Леви, человек, на чьих руках кровь миллионов мирных граждан Ливии и Сирии. 10 февраля 2014 года Бернар Анри-Леви, выступая на площади Независимости, бросил лозунг: «Мы все украинцы» — точно так же, как за два года до этого он провозгласил: «Мы все ливийцы». Чем это закончилось для Ливии, было прекрасно видно уже в 2014 году. И этот человек, совершенно одиозный во французской интеллектуальной среде, был привезён на Украину христианским публицистом, главным редактором издательства «Дух и Литера»,

ректором Православного института имени Петра Могилы, издателем полного собрания сочинений С. С. Аверинцева на русском языке.

Оказалось, что люди, которые были связаны с церковным возрождением 90-х годов, люди, которые поднимали на щит заветы В. С. Соловьёва, которые вслед за С. С. Аверинцевым цитировали его переводы книги Иова и Евангелие от Иоанна, оказались по ту сторону баррикад, оказались не просто сочувствующими «майдану», но и его главными действующими лицами. Сторонники «майдана» — это не только радикальные украинские националисты, но и видные деятели современного православия. Именно поэтому представляется важным проследить и понять, как зарождается и прогрессирует революционная болезнь. Процессы, которые происходили в сознании русской интеллектуальной элиты в 1905 году и во время «Революции достоинства» в 2014 году во многом очень похожи.

Поэты, писатели, а часто и философы не случайно аллегоризировали понятие революции, превращая его в некое божество. В революции, действительно, есть много от живой идеи, которая пленяет, увлекает за собой человека, поселяет в его душе творческую страсть. Но это разрушительная страсть. Об этом пишет и один из классиков русского анархизма и революционного движения М. А. Бакунин в статье «Реакция в Германии» 1842 года. Бакунин публиковал свои статьи в немецких ежегодниках, там же, где публиковался его современник К. Маркс. «Страсть к разрушению — это творческая страсть», — пишет Бакунин. Иными словами та же самая мысль выражена в гимне интернационала: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...». Но что будет «затем» — не совсем понятно, потому что выдвигать утопические идеи легко, как и легко рассказывать, как «затем» всё будет прекрасно. Но «затем», как правило, наступает полная разруха, гораздо хуже, чем была «до того». И эта разруха продолжается до тех пор, пока не приходит деспот, тиран, который фактически осуществляет контрреволюцию. Как это сделал И. Сталин, который, используя терминологию К. Н. Леонтьева, «подмораживал» революционные

процессы и уничтожал эту горячку вместе с её разносчиками, самими авторами революции.

Бумеранг революции всегда возвращается к тем, кто её породил — это железное правило любой революции. И репрессии рубежа 1920-1930-х годов начинались с расправ над ближайшими соратниками Сталина. Уничтожались все те, кто самоотверженно шёл в революцию: Бухарин, Зиновьев, Рыков, Троцкий, Каменев. Это были ещё не Флоренские, Шпеты, Мандельштамы. Это были самые преданные и верные борцы за революцию. В этом контексте огромный интерес представляет статья Н. И. Бухарина, опубликованная в энциклопедическом словаре Гранат, отличительная особенность которого была в том, что автор мог написать здесь статью о самом себе. Словарь этот был посвящён деятелям революции, и Бухарин в статье о себе описывал некоторые любопытные подробности своей юности. Он описал, как прочитал «Краткую повесть об антихристе» В. С. Соловьёва, в которой антихрист предстаёт в виде гуманиста, социалиста и филантропа, приходит к власти во всём мире под знаком всеобщего мира и прогресса, стремится принести людям процветание и свободу от войн и насилия. И вот Бухарину начинает казаться, что он и есть этот самый антихрист, и ему в голову очень сильно западает эта мысль. А поскольку антихрист по Новому Завету происходит от матери-блудницы, он обращается к своей матери, очень порядочной женщине с расспросами, чтобы выяснить, не блудница ли она. Кроме того, Бухарин приносит из храма Причастие и выплёвывает его, чтобы показать своим друзьям, что это не Тело Христово, а обыкновенный хлеб. Таков один из кумиров революции, впоследствии погребённый под её лавиной. Можно также отметить, что именно Бухарин в 1935 году не был казнён, а покончил с собой в тюрьме. При этом написал пронзительную, в духе риторики Цицерона, предсмертную записку: «Ухожу из жизни. Опускаю свою голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой...» и т.д. Он вы-

ставляет себя фанфароном, актёром, который даже смерть свою может превратить в спектакль.

У многих людей, читавших в советское время революционное стихотворение Александра Блока «Двенадцать», возникало серьёзное недоумение, когда они доходили до последних строк этой поэмы, получившей своё название с определённой аллюзией на двенадцать апостолов. В этом стихотворении описывается марш двенадцати революционных матросов, а в конце есть такие строки:

*Нежной поступью надвьюжной,  
Снежной россыпью жемчужной,  
В белом венчике из роз —  
Впереди — Иисус Христос.*

Эти строки нередко шокировали читателей поэмы, и, в некоторых популярных её перепечатках слова «Иисус Христос» заменялись на «впереди идет матрос», потому что многим тогда было не понятно, что делает Иисус Христос среди революционных матросов? Кроме того, обращает на себя внимание написание имени Христа — почему не Иисус, а Иус? Такое написание не случайно, так Имя Христово писали старообрядцы. То есть в стихотворении Блока мы встречаем именно Христа староверов, а староверы, как известно, видели в государстве, самодержавии и в «никонианской» Церкви царство антихриста. Это были люди, которые уходили в скиты, а нередко и сжигали себя в срубах. Именно это действие гениально изображает М. П. Мусоргский в финале своей «Хованщины»: коллективное самосожжение старообрядцев в срубе, добровольный уход из мира и из жизни людей, которые не хотели ничего принимать от этого «князя мира сего» и его «антихристов» царства. Поэтому уже из стихотворения Блока становится понятно, что тема христианства как некой революционной силы, которая должна поднять народ на борьбу с «постылым самодержавием», далеко не случайна.

Тема революции проникает в сознание русской интеллигенции гораздо раньше революции 1905 года. Так, ещё Владимир Соловьёв, негодуя на Александра III, который попустил голод на юге России, пишет ему исполненное негодования письмо. Философ пишет монарху, что он собирается ехать в Киев к генералу Радомирову, который был тогда киевским губернатором, чтобы договариваться с ним о поднятии мятежа, о революции. И своим знакомым в 1891 году Владимир Соловьёв показывает подкладку своего пальто и говорит: «А подкладочка-то у меня красненькая». Впрочем, ещё десятью годами ранее, 28 марта 1881 года, вскоре после того как на Екатерининском канале в Петербурге был совершён теракт, в результате которого погиб царь-освободитель Александр II, В. Соловьёв читает лекцию о ходе русского просвещения, во время которой он говорит о том, что поскольку русский народ христианский, и «все мужики — христы», а «все бабы — богородицы», постольку государь-император, сын погибшего, должен простить народовольцев, и это будет величайшим исполнением «правды Христовой», потому что христианин не может отвечать убийством на убийство. И если государь простит убийц, то народ падёт пред ним на колени, а если не простит, то народ имеет моральное право отпасть от государя. Эта лекция известна в многочисленных списках, которые и до настоящего времени хранятся в государственном архиве РФ, в архиве полицейского управления (поскольку это были те документы, по которым Соловьёв мог быть сослан в Сибирь). В результате имя Соловьёва первоначально даже было включено в план «монументальной пропаганды» 1918 года, так как Соловьёв этой своей лекцией о первоапрельцах фактически участвовал в освободительном движении. Но Ленин недрогнувшей рукой вычеркнул фамилию Соловьёва из этого списка, и памятник Соловьёву так и не был поставлен. Однако А. Ф. Лосев, издавая в 1983 году свою книгу о Соловьёве, объяснял читателю: «Да, идеалист, но не этот ли идеалист, служа социальным идеалам, требовал прощения цареубийцам?»

В 1880-е годы Соловьёв написал серию статей о русском расколе, о Владимире Святом, и о Русском государстве, где он следующим образом говорил о старообрядцах: «Большая и наиболее последовательная часть раскольников превосходно выразила самую сущность нашего национального вопроса, заявив, что цезарепапистское государство и официальная Церковь как его орудие представляют царство антихриста». В данном случае Соловьёв делает это заявление не от себя, а от лица старообрядцев. И трудно спорить с тем, что, например, для протопопа Аввакума это действительно было так, но совершенно очевидно и то, что Соловьёв излагает эти идеи с определённым сочувствием. Неслучайно его друг, человек, который относился к нему с величайшей симпатией, Константин Николаевич Леонтьев, русский консервативный публицист и дипломат, в 1891 году, перед тем как умереть в гостинице Троице-Сергиевой лавры от пневмонии, рвёт на кусочки фотокарточку Владимира Соловьёва и пишет своему другу священнику И. Фуделю: «Изгнать Соловьёва из пределов империи нужно, а книги его запретить, и проповедь его остановить, потому что она может быть разрушительна».

1890-й год — это пик либерализма для Соловьёва, пик его левизны. В дальнейшем, в своей «Краткой повести об антихристе» он фактически встаёт на позицию Константина Леонтьева, становится консерватором. Но в 1891 году Соловьёв всё ещё ультралиберал, один из авторов «Вестника Европы», и Леонтьев очень хорошо понимает, к чему идеи Соловьёва, хотя и не им придуманные, могут привести. Соловьёв говорит о том, что христианство продвигалось в жизнь и проповедовалось не христианами. Христиане, по его тогдашнему мнению, только и делали, что устраивали костры инквизиции, крестовые походы, жгли, душили, убивали, а вот атеисты продвигали дело Христово. То есть Соловьёв считает, что Чернышевский, или Белинский, или Бакунин в большей степени христиане, чем митрополит Никанор или какой-либо другой епископ. Его логика мысли совершенно понятна.

Константин Леонтьев, когда приходил к Михаилу Каткову, чтобы обсудить вопрос издания своего труда «Византизм и славянство», (а Леон-

тьев в то время был уже близок к монашескому постригу, ходил в подряснике и выполнял послушание в Николо-Угрешском монастыре), получил от Каткова ответ следующего содержания: «Не буду печатать «Византизм и славянство», и вообще, зачем подрясник надели, зачем в Церковь попались, что это за клоунада такая? Герцен был гораздо более христианин, чем все эти попы». То есть даже из консервативной среды тогда слышались голоса, которые говорили о том, что христианство следует искать не в Церкви, «не в тусклом и закопчённом храме». Есть очень близкое к этому умонастроению стихотворение Дмитрия Мережковского, которое замечательно переложил на музыку Сергей Васильевич Рахманинов:

*«Христос Воскрес» — поют во храме;  
Но отчего душа молчит:  
Мир полон болью и слезами,  
И этот гимн пред алтарями  
Так оскорбительно звучит.*

Дальше в этом стихотворении Мережковский говорил о том, что если бы Христос был здесь и увидел, «как брата брат возненавидел, как опозорен человек», то, наверное, в этом поющем храме Христос пал бы ниц и зарыдал. От этой мысли совсем недалеко до идеи о том, что подлинное христианство следует искать не в храме, а в христианском братстве борьбы, в революционном кружке, в сходке, в обществе, которое во имя великой цели хочет убить царя.

Священник Павел Флоренский, мученик, расстрелянный в 1937 году, в 1906 году описал один весьма любопытный эпизод в своих воспоминаниях об отце Серапионе (Машкине). В 1905-м году отцу Серапиону сообщили, что только что террористом Иваном Каляевым<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Имя Ивана Каляева и до настоящего времени носят топонимы во многих городах России. В связи с этим можно также вспомнить, что Иван Каляев убил не только великого князя Сергея Александровича, но и его извозчика, ни в чем не повинного человека.

был убит губернатор Москвы, великий князь Сергей Александрович. Отец Серапион на это сказал: «Ой, бедный, бедный. Что же ему теперь будет!» «Как что, его же убили!», — возразили ему. «Да нет, я не про него, я про Каляева. Как же теперь этот несчастный террорист, его же, наверное арестуют, казнят», — пояснил отец Серапион. Здесь прекрасно видно то совершенно поразительное сочувствие русской интеллигенции к террористам. Террористы выросли в сознании интеллигенции до святых праведников и мучеников, в то время как террор, якобы осуществлявшийся во имя Христова, полностью оправдывался, легитимировался и освящался. И этот тезис — не преувеличение.

Валентин Павлович Свенцицкий, тоже священник, исповедник, но только после 1917 года. А в годы Первой русской революции — это один из самых радикальных революционеров, человек, который создаёт «Христианское братство борьбы». Туда входят Владимир Эрн, Сергей Булгаков — будущий отец Сергей Булгаков; этому братству сочувствует и Павел Флоренский. Это братство в своих подпольных изданиях печатает различные прокламации. Например, на убийство лейтенанта Шмидта<sup>2</sup>, который был казнен за севастопольский мятеж. Итак, Свенцицкий написал прокламацию на убийство лейтенанта Шмидта, которая называется «Со святыми упокой»:

*Лейтенант Шмидт, Каляев, убивший великого князя, Балмашёв, убивший Сипягина, неизвестный человек в морской форме, покушавшийся на жизнь Дубасова, и десятки тысяч других, казнённых русским правительством, — кто все эти люди? Разбойники или святые? Христиане привыкли от черносотенных пастырей и продажных газет слышать на этот вопрос резкий и определённый ответ: революционеры, бунтовщики, забастовщики — это кровопийцы, безбожники и злодеи. Наша Церковь проклинает их за то, что они убийцы. Но когда губернаторы, солдаты, полиция сжигают селения, засекают до*

---

<sup>2</sup> Это ещё одно известное имя и топоним — мост лейтенанта Шмидта до сих пор существует в Санкт-Петербурге.

*смерти, расстреливают без суда — Церковь молчит. Когда революционеры убивают министра — о душе убитого молятся во всех храмах. Когда правительство убивает революционера — оно запрещает служить панихиды. Правительству мало казнить — оно боится, что Бог услышит молитвы и простит убийцу. Оно принимает административные меры, чтобы грешник попал в ад!.. Правительство и продажная часть духовенства говорит вам: Каляев, Балмашёв, Спиридонова и др. — злодеи. Мы говорим — святые. Бог сказал «не убий» — и мы веруем, что всякое убийство грех. Но грешат и святые, и за великие подвиги им прощаются грехи их. Простятся ли так же грехи этим убийцам? Мы глубоко убеждены, что да, простятся.*

Фактически, Свенцицкий подменил собой Бога, он простил террористам их грехи, он в этом «глубоко убеждён». По мнению Свенцицкого,

*и Каляев, и Балмашёв, и Спиридонова, и десятки других, им подобных, убившие должностных лиц, сами идут на верную смерть. Многие ли среди христиан, проклиняющих этих людей, готовы отдать свою жизнь за счастье своего народа? Пусть убийца заблуждался, пусть нельзя убийцам достигнуть счастья, но ведь тот, кто бросил бомбу, убеждён, что, убив злодея-губернатора, он спасает народ. Он убивает не для своей выгоды; он знает, что его повесят. Он отдаёт свою жизнь — лишь бы легче жить народу.*

И дальше Свенцицкий восклицал, что «Желябов свят», «Софья Перовская святая». Но это уже не просто «святой Герцен», «святой Бакунин» и «святой Чернышевский» — святые русской интеллигенции. Это уже «святые убийцы», которые были провозглашены не советской властью, не Луначарским, не Лениным после 1918 года, а в 1906 году Свенцицким, христианским публицистом, идеи которого лежат в основе русской религиозной философии. Святыми провозглашались террористы и убийцы.

В 1878 году, когда Александр II был ещё жив, по России гуляла волна террора. Каждую неделю убивали губернатора, вице-губернатора, полицмейстера какого-нибудь города, газеты печатали сводки о разгуле нигилистов, только седьмое покушение на жизнь царя оказалось успешным. Семь раз покушались на Александра II! И вот в Петербурге начался процесс по делу Веры Засулич. Молодая террористка покушалась на жизнь санкт-петербургского генерал-губернатора Фёдора Трепова и ранила его. Причина покушения была в том, что Трепов отдал приказ высесть студента Боголюбова, который находился в предварительном заключении в тюрьме. Засулич оскорбил произвол со стороны губернатора, и она решила его застрелить. Суд присяжных закончился оправданием Веры Засулич. Но даже прокурор, Анатолий Фёдорович Кони, великий русский юрист, памятник которому стоит на территории Московского университета возле социологического факультета, произнёс амбивалентную речь, вместо того, чтобы решительно осудить террористический акт, покушение на убийство.

В это время композитор Пётр Ильич Чайковский находился во Франции и написал Надежде Филаретовне фон Мекк, своей многолетней корреспондентке, по поводу суда над Засулич письмо, содержание которого заключалось в следующем: «Вы знаете, во Франции тут все в панике. Они спрашивают: «У вас что, в России, революция? У вас царя свергли? Почему Засулич оправдали?» Французы вообще не могут понять, что происходит». Это письмо наглядно демонстрирует то впечатление, какое произвёл оправдательный приговор Вере Засулич в Европе.

Конечно, самодержавный строй был не идеален. Никак нельзя оправдать «Кровавое воскресенье». Нельзя нравственно оправдать Николая II за расстрел демонстрации 9 января, несмотря на то, что он почитается как святой. Он святой, новомученик, но он не был идеальным человеком и совершал ошибки. Поэтому недопустимо канонизировать террор как православное средство борьбы за свободу.

ду и процветание народа. В наше время много говорится об угрозе исламского экстремизма и терроризма. Но что лежит в основе терроризма? — Потеря ценности человеческой жизни. В соответствии с представлениями исламского экстремизма, человек должен пожертвовать собой, чтобы убить как можно больше «неверных» и таким образом заслужить себе посмертное пребывание в раю. Общественный деятель Гейдар Джемаль всегда говорил об этих людях, что «они своё получают». Фактически он оправдывал исламский терроризм. Представление о том, что ради всеобщего счастья можно пожертвовать жизнью нескольких тысяч людей — это крайне порочная схема мышления. Однако ещё Виссарион Белинский как-то писал Боткину письмо с таким смыслом: «Если ради нашей грядущей победы надо будет убить десять тысяч человек, да, мы пойдём на это, да, мы прольём кровь». Этой идее противоположна мысль Достоевского «о слезинке ребёнка». Иван Карамазов говорит, что он возвращает свой билет Богу, свой билет в рай, если он оплачен слезинкой одного невинно замученного младенца. Конечно, не стоит превращать эту фразу в некий догмат, она весьма спорная, но, во всяком случае, это ответ Достоевского революционерам. Рай не может быть построен на слезах и крови невинно убиенных.

Задача земной политики и задача интеллигенции состоит не в том, чтобы построить рай на земле, производить новых мучеников, отправлять сонмы своего народа на страдания. Однако русская интеллигенция в начале XX века думала иначе, она стремилась найти оправдание революции в христианских понятиях, в категориях христианства, и нечто похожее мы находим во взглядах современной нам интеллигенции, которая пытается оправдать «майдан».

Следует отметить здесь и роль Д.С. Мережковского, известного в истории философии как человека, изучавшего и создававшего вместе со своей супругой Зинаидой Гиппиус такое понятие, как «новое религиозное сознание» — мечту о новом христианстве, о христианстве «святой плоти», где будут оправданы плотские похоти и прихоти человека.

Например, гомосексуализм или сожительство втроём, так называемые тройственные браки. Мережковский экспериментирует и на пытается реализовать эти идеи на практике. Экспериментирует в том числе в религиозном смысле. Известно, что он в своей петербургской квартире устраивает с единомышленниками нечто вроде новой церкви, участники которой участники шьют «облачения», служат «литургию» и сами друг друга «причащают» — кровью студента-еврея. Сохранились воспоминания, как они приглашают еврейского студента, делают надрез на руке, смешивают его кровь с вином и таким образом «причащают» друг друга. У этих людей складывается стойкое ощущение, что христианство — это поле для духовного творчества и эксперимента. Этот путь размышлений привёл их к идее «где мы, там и Церковь». Эта мысль полностью совпадает со словами поэта Вячеслава Иванова: «Свершается Церковь, когда друг другу в глаза мы глядим».

Такое примитивное понимание организма Церкви неизбежно зачастую ведёт к ощущению вседозволенности и искажению духа христианской веры. Фактически перед нами раскрывается исповедание некой новой веры. Позже, в 1908 году, Мережковский напишет в «Обезьяньих лапах», в эссе по поводу творчества Леонида Андреева:

«Христос есть вечное «да» всякому бытию, вечное движение вперёд и вперёд от космоса к логосу, от логоса, богочеловечества к богоселенной — да будет Бог всё во всем. Антихрист есть вечное «нет» всякому бытию, вечное движение назад и назад от космоса к хаосу, от хаоса к последнему ничтожеству — да будет всё ничто в дьяволе, в духе небытия. В этом смысле Христос — религиозный предел всякой революции; антихрист — религиозный предел всякой реакции. Вот почему принявшая религию бытия христианская, вернее, Христова Европа, — вся в революции; принявшая религию небытия, антирелигию, буддийская Азия — вся в реакции.

Религия и революция — не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия — не что иное, как революция в категории Божеского; революция — не что иное, как религия в кате-

гории человеческого. Религия и революция — не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия».

Можно сказать, что именно так выглядит тот долгий эволюционный путь, который проделает Мережковский, чтобы в 1942 году выступать на немецком радио с филиппиками в адрес Гитлера, которого он будет всячески восхвалять незадолго до своей смерти — это и есть «достойная» духовная революция, «достойный» духовный путь.

Что же касается объединения религии и революции, то эта идея встречается и у французских экзистенциалистов: у Сартра и Камю. Так, идеи атеистического экзистенциализма Сартра легли в основу студенческого бунта 1968 года. Сартр и в особенности Камю, который начал творческий путь с изучения раннего христианства, гностицизма, апокалиптических сект, будут говорить, что Христос — это главный «революционер» и что христианство — «религия бунта» против сильных мира сего.

Изучение этих необычных и зачастую шокирующих трактовок христианства позволяет лучше понимать и предсказывать, как ссылки на христианство могут использоваться в сложных мировоззренческих и политических процессах сегодня. Скорее всего, если спросить у бывшей студентки МГУ Надежды Толоконниковой, является ли она антихристианкой, она ответит «нет». Она даже публично говорила, что она верит в Христа и заявляла, что их акция в Храме Христа Спасителя (выступление «Пусси Райот») осуществлялось в соответствии с христианским служением, поскольку в «панк-молебне» якобы осуществляла кару Христова в отношении власть имущих. Это и подтверждают и другие заявления участников этой протестной группы. Например, после выхода из тюремного заключения они высказали мысль о том, что для осуществления «христианского служения» необходимо ездить по российским тюрьмам и отдаваться заключенным, выступая в качестве бесплатной блудницы. Такая странная «христианская миссия»...

Безусловно, такие заявления плохо вяжутся с идеалами христианства, которое накладывает на человека печать ответственности

за его целомудрие и духовную чистоту. Они создают некое иное христианство и строят совсем иную церковь.

Однажды на мероприятии в музее Достоевского один человек убеждал меня в том, что Сталин — это «истинный христианин» и истинно верующий человек. Я же ему отвечал, что если Сталин — это «святой православной церкви», тогда, видимо, я член какой-то другой церкви, потому что смириться с этим утверждением православному христианину не просто трудно, а невозможно. Ведь можно понять и даже иногда принять личности многих неоднозначных исторических фигур, например, Грозного, Распутина, Сталина. Но не молиться им как святым.

Поэтому церковь Толоконниковой — это тоже какая-то особая, отдельная церковь. Сложно согласиться с тем, что то, как она мыслит христианское служение, христианскую проповедь, как она трактует совершённую провокационную акцию в храме Христа Спасителя, — это христианская проповедь. Это, по всей видимости, иная религия, основанная на синтезе отдельных христианских терминов и современного агрессивного секулярного мировоззрения и трудно соединяемая с образом Иисуса Христа.

Современные либеральные активисты часто заявляют, что «вера без дел мертва» и призывают к публичным действиям, к участию в митингах. Возникает непростой вопрос, как к таким призывам должен относиться православный человек.

У Владимира Соловьёва есть замечательное выражение — «образ Иисуса Христа как проверка совести». Оно означает, что когда ты что-то совершаешь, например, проводишь политическую акцию, задай себе вопрос: «А Христос пошел бы с тобой? Вышел бы Он на площадь, кричал бы эти лозунги, использовал бы белые ленты?» В связи с этой темой следует привести случай, упоминавшийся Антоном Владимировичем Карташёвым, профессором богословия, который во времена Русской революции был весьма либерально настроенным священником. Он описал своё общение в Киеве с отцом Сергием Бул-

гаковым в 1905 г. Карташёв говорит, что Булгаков, молодой профессор политехнического института, настолько был воодушевлён царским манифестом 17 октября 1905 г., что произнёс перед студентами в высшей степени эмоциональную, экзальтированную речь на тему «Века сошлись с веками» и после этого вывел студентов на протестовавшую площадь. И хотя формально народ отмечал принятие царского манифеста, на самом деле это была революционная акция. Все студенты повязали в петлицы красные банты, народ шёл по улицам Киева, срывал гербы Российской империи, штандарты, флаги — таково было «ликование народа». Увидев всё происходящее, Булгаков неожиданно почувствовал внутреннее отвращение, присутствие в этой картине духа антихриста. Булгаков позже рассказывал, как ушёл с этой манифестации, вернулся домой и бросил свой красный бант в клозет. Важно понимать, что в то время это был человек сильных левых убеждений. Для Булгакова в то время христианство было ещё отдалённым от жизни идеалистическим учением, набором идей, которое описывал Достоевский. Тогда Булгаков читал публичные лекции об Иване Карамазове, критиковал Фейербаха, но это ещё был совсем «интеллигент» — даже не тот Булгаков, которого мы увидим в 1909 году в «Вехах». Со временем он перешёл от марксизма к идеализму, а от идеализма к православию и Церкви.

«Вехи» требуют особого рассмотрения. Это поразительный документ: семь русских людей (хотя с точки зрения национальности там были не только русские) объединяются и хотят сказать решительное «нет» революции. Они заявляют, что революция — это потеря корней, отрыв от жизни народа, это интеллигентская болезнь, которая называется идейность, «фанатизм идеи». В эпилоге романа «Преступление и наказание» Достоевского есть эпилог, который часто опускают при разборе произведения в школе. В нём описывается Раскольников на каторге и сон, который ему снится:

Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей

из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовёт, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса.

Это пророческий текст Достоевского, где он изображает собственно революционную болезнь, горячечный тиф революции, одер-

жимость идеями, вычитанными у Лассаля, Бебеля, Маркса, когда возникает упрямая вера в то, что эти идеи и есть истина в последней инстанции, а все, кто эту идею не принимает, должны быть уничтожены. Веховцы обличали именно этот фанатизм идеи. Гершензон так же описывает русского интеллигента, как Достоевский описывает трихины. Он говорит, что это человек колеблющийся, без системы ориентиров: он то клянётся освободить народ и ругает товарища за выпитую бутылку шампанского, то спит на гвоздях, как Рахметов, то предается самому последнему блюду и опускается до последнего дна. Потому что, как бы сказал Платон, у таких людей «алтарь души пуст». Сам по себе такой революционер может быть и неплохим человеком, но он несётся туда, куда его несёт толпа, и пускается во все тяжкие. У него нет своей головы, своего ума, ему надо встать на протестующей площади, взявшись за руки в цепочку с другими участниками протеста против общего идейного врага. В дальнейшем это фактически ведёт к оправданию насилия и гражданской войны как метода устранения всего того, что не подпадает под его философию, его представление о человеческом достоинстве.

В заключение стоит обратить внимание на два разных понимания самого термина «революция». Моему поколению, поколению учеников советской философской школы (а советская философская школа — это Гегелевская школа, поскольку Маркс весь стоит «на плечах» Гегеля) внушали, что революция — это высшая форма осуществления исторического прогресса, что мировая история — это история революции. История якобы сначала развивается медленно, инерционно, затем складываются и накапливаются предпосылки для перемен и скачка в развитии общества, и начинается революция. Верхи не хотят, а низы не могут. Такова диалектика производительных сил и производственных отношений: раз силы ушли вперед, а отношения отстали, значит, отношения надо революционизировать. Это можно сравнить с распространённым сегодня мнением о необходимости для каждого человека пережить несколько браков: сна-

чала ты женишься в студенчестве, затем жену бросаешь и берёшь себе молодую. Ведь отношения надо «революционизировать»: силы ушли вперёд, а отношения отстали. Такую же логику применяют и к истории.

Константин Леонтьев считал с точностью до наоборот: что революция — это не высшая форма эволюции, а антоним эволюции. Эволюция — это развитие по восходящей, а революция — это «развитие» по нисходящей, это разложение, вторичное смесительное упрощение, хаос. Всякая революция несёт за собой деградацию и декомпозицию общественных отношений и только реакция может привести общество в какой-то относительный порядок. «Убийство революции», отход от её принципов вынужденно совершали Ленин, введя НЭП, и позже Сталин. Леонтьев в поздних своих работах «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» неоднократно говорит, что революция — это «вторичное упрощающее смешение»:

*Я же потому предпочитаю всем этим терминам мой термин вторичного упрощающего смешения, что все поименованные названия имеют смысл гораздо более тесный, чем моё выражение; они имеют смысл — политический, юридический, социологический, пожалуй, не более, не шире и не глубже. Мой же термин имеет значение органическое, естественно-историческое, космическое, если угодно; и потому может легче этих других перечисленных и несколько подкупающих терминов раскрыть, наконец, глаза на это великое и убийственное движение людям...*

Леонтьев полагает, что национальное потворствование славянам только за то, что они славяне, болгарам — только за то, что они болгары, сербам — за то, что они сербы, полякам — за то, что поляки, может привести к революции. И добавляет:

*Нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие, — нужно славяномыслие, славянотворчество, славяноособие — вот что нужно теперь!.. Пора образумиться!.. Панславизм же во что бы то ни стало — это подражание и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, это — стремление быть как все. Это всё та же общеевропейская революция.*

Таким образом, революция — это не прогресс, пускай тяжёлый, пускай больной. Революция — это регресс, движение, обратно направленное эволюции. Константин Леонтьев вносит важное смысловое понимание этого явления. Среди же современной либеральной интеллигенции существует мнение, что революция — это большое благо, которое даже может провести в жизнь христианскую идею.

У русской религиозной философии исторически присутствует как левая сторона, так и правая. Большая часть русской философии отражает именно левую сторону, русскую левую идею, объединившую впоследствии Третий Рим и Третий Интернационал у Николая Бердяева. Например, Н. Бердяев в конце своей жизни пришёл к частичному приятию революции, потому что считал, что нет большой разницы между иноком Филофеем и Сталиным, поскольку оба осуществляли «апокалиптичность» русского народа, его устремлённость к надземным, надматериальным высям.

Но была в русской философии и консервативная струя, которая заключалась не только в политических философах, например, таких как Лев Тихомиров, который сам был раскаявшимся революционером-народовольцем, или как Константин Леонтьев, который тоже был разочарованным социалистом. Одним из таких консервативных русских философов был Алексей Федорович Лосев.

Президент В. Путин процитировал в Федеральном послании роман А. Лосева «Жизнь», который был написан им в 1930-е годы. Лосев как никто другой, с хирургической аккуратностью и точностью

вскрыл и проанализировал миф революции. Эта книга потрясающим образом показывает, как работает мифологизация революционной идеи. По Лосеву, эта мифологизация связана с определённым типом личности, который основывается на возрожденческом, либерально-секулярного мировоззрения. В свою очередь это мировоззрение строится на поощрении полярности и сингулярности, на идее о том, что каждый человек является сам себе господином и имеет право создавать свою философию, как это делает Раскольников. Герой Достоевского убивает людей, потому что ему важно проверить свои философские гипотезы.

Лосев в «Диалектике мифа» и в последующей книге «Дополнение к диалектике мифа» показал идейную генеалогию революции. Он отмечает, что революция, сходка, революционная демонстрация, конспиративная квартира — это антихристов дух, а монастырь, молитва, дворянская усадьба, рядом с которой находится храм, сосредоточение на своих грехах и покаяние в них, представление о своем собственном несовершенстве и совершенстве одного Бога — это дух Христов, христианство. Лосев чётко показывает различие этой ложной и истинной мифологии в «Диалектике мифа». За эти убеждения его отправили рыть Беломорканал. Правда, потом отпустили, но он уже ослеп, и всю оставшуюся жизнь писал книги вслепую, под диктовку.

В 1996 году в журнале «Источник» (журнал архива президента РФ) опубликовали следственное дело Лосева, после чего была организована настоящая травля этого уже ушедшего из жизни философа (Лосев умер в 1988 году, дожив до 95 лет, соединив своей жизнью Серебряный век и горбачевскую эпоху). Три автора: Поливанов, Кацис и Шушарин — в газете «Сегодня» напечатали три статьи, где Лосев был обозван антисемитом, монахом, дважды женатым, человеком полупросвещения, полуобразованным и так далее. Человек, который написал гениальное восьмикнижие, перевёл Плотина, не угодил своим взглядом на природу революции и был подвержен остракизму.

Люди этих же настроений, интеллектуалы и интеллигенты, создавали «Союз 4 октября» в 1993 г., когда Ельцин расстрелял Белый Дом. Они заявили ему свою поддержку и аплодировали расстрелу парламента, который пытался обуздать президента, принимающего нелегитимные законы. Парламент был подавлен и уничтожен.

Люди, которые создавали «Союз 4 октября», которые травили Лосева в 1996 году и которые писали «свет Майдана» и кричали: «Слава Украине, героям слава», это, к сожалению, одни и те же люди. Сегодня никто не призывает этих людей изгонять из пределов империи или затыкать им рты, или не давать им печататься, как это часто происходило столетие назад: сегодня в России свобода, нет цензуры, и каждый человек может выражать свои убеждения. Но это не значит, что не нужно называть вещи своими именами. Задача каждого человека — понимать, где «ангел медный, гость небес», а где «ангел мрака, медный бес», как говорил Вячеслав Иванов, который вначале тоже очень радовался приближающейся революции, а в 1918 г. написал следующее стихотворение:

*Да, сей костёр мы поджигали,  
И совесть правду говорит,  
Хотя предчувствия не лгали,  
Что сердце наше в нём сгорит.*

Вот тот урок, который даёт нам анализ либерально-христианского сознания, обольщающегося революцией.